

Хотите снять?

— Я не позволю!

Чжэн Ивэй, вне себя от ярости, метался по комнате. Казалось, он вот-вот начнёт метать молнии — режиссёр с силой хлопнул сценарием по столу, издав оглушительный хлопок.

Тот, кого он пытался запугать, и бровью не повёл, зато Шу Мин, сидевший неподалёку, ощутимо вздрогнул. Ножки его стула издали резкий, неприятный скрежет по полу.

Заметив это, Чжэн Ивэй, видимо, осознал, что сорвался не на того. Он обернулся и примирительно похлопал юношу по плечу. Затем, глядя на своё «сокровище», режиссёр растянул губы в улыбке, которую сам считал доброй, но со стороны она выглядела по-настоящему пугающе.

Сразу после этого он вновь повернулся к Лян Жувэню и продолжил свою словесную атаку:

— Пастухи наконец-то пошли на уступки, и ты хочешь, чтобы я просто так всё бросил? Ха! Ни за что.

Лян Жувэнь, сидевший напротив, оставался невозмутим, словно гранитная скала.

— Ему ещё нужно исполнить заглавную тему и интерлюдии, — спокойно обронил он.

Задача, стоявшая перед Шу Мином, вовсе не ограничивалась записью одной-двух песен. За этими словами скрывался колоссальный труд: за короткий срок юноше предстояло не только освоить новый национальный язык, но и овладеть специфической певческой техникой этого народа. Для Шу Мина, чей путунхуа до сих пор нельзя было назвать безупречным, это было непосильным бременем.

Воздух в комнате, казалось, застыл. Все трое сидели вокруг стола. Для удобства переговоров Лян Жувэнь и Чжэн Ивэй расположились друг против друга, а Шу Мин оказался сбоку, зажатым между двумя титанами. В этой ситуации он выглядел совершенно беззащитным и потерянным — ни уйти, ни остаться.

Противостояние продолжалось. Чжэн Ивэй не умолкал ни на минуту, извергая потоки красноречия, тогда как Лян Жувэнь, известный своим несгибаемым характером, лишь изредка вставлял веские замечания. Он откинулся на спинку стула, и какие бы доводы ни приводил режиссёр, его позиция оставалась неизменной. Чжэн Ивэй, чувствуя, что заходит в тупик, едва не дымился от гнева.

Шу Мин же, напротив, слушая их перепалку, чувствовал, как его одолевает неодолимая зевота. Последние дни выдались чересчур насыщенными, и ему катастрофически не хватало сна. В это время он обычно ложился вздремнуть, а тут его затащили на это совещание.

«Ругайтесь, сколько влезет», — обречённо подумал он.

Подперев голову рукой, Шу Мин попытался незаметно впасть в забытие. Но стоило его глазам закрыться, как Лян Жувэнь, бросив на него мимолётный взгляд, внезапно сменил тон.

— Пусть Шу Мин решает сам.

В следующую секунду юноша, уже видевший первые сны, был бесцеремонно вырван из объятий Морфея. Чжэн Ивэй сжал его плечи и принялся трясти.

Лицо режиссёра, искажённое решимостью, оказалось прямо перед глазами Шу Мина.

— Ну же, говори! — прошипел он сквозь зубы. — Пойдёшь за ним петь свои проклятые песни или останешься со мной сниматься в кино?

Полусонный Шу Мин лишь растерянно моргал, совершенно не понимая, что происходит.

А началось всё несколько дней назад. История вышла довольно банальной, так что изложим её вкратце.

Поскольку гнев режиссёра Чжэна на площадке в тот день был по-настоящему страшен, Шу Мин, быстро подобрав упавший абрикос, решил, что собственная шкура ему дороже. Оставив любимого коня на попечение конюхов, он поспешил к Бай Му — всё равно у него оставалось всего два дня отдыха. Гэн Гуаньгуань вчера сообщил по телефону, что аранжировка согласована, и скоро нужно будет возвращаться в студию.

Зачем же тратить драгоценные часы отпуска на выслушивание нотаций Чжэн Ивэя? Шу Мин предпочёл просто исчезнуть.

Но затем случилось нечто непредвиденное: по дороге в отель Шу Мин пропал. Вместе с ним исчез и Бай Му, который якобы собирался лишь отвезти коня съёмочной группе, но после этого его никто не видел.

Исчезновение двух молодых людей — дело нешуточное. Родители места себе не находили. Чжуан Чжэн и Бай Сун первыми примчались в полицию, чтобы подать заявление, и там столкнулись с группой туристов-любителей.

По словам туристов, они планировали подняться из речной долины на высоте полутора тысяч метров в сторону лугов, но на полпути один из их товарищей угодил в капкан. Это была густо заросшая лесом низина, где осенняя листва плотным слоем укрывала землю, скрывая ловушки. Обычно профессиональная обувь выдерживает удар капкана, но снаряжение этих горе-походников оставляло желать лучшего.

— Мы не знали, что делать, боялись трогать раненого. Пошли по маршруту обратно и встретили молодого проводника, — рассказывал один из туристов, нервно сглатывая. — Парень сказал, что разберётся. Мы совсем выбились из сил, отдали ему карту и попросили вывести нашего друга.

Прошло два часа, но никто не появился.

— А потом мы встретили Шу Мина.

Надо же было такому случиться, что подруга этого туриста фанатела от телешоу, так что он сразу узнал юношу. Шу Мин в тот момент расспрашивал прохожих, не видели ли они смуглого паренька-проводника.

— Мы объяснили ему ситуацию. Шу Мин сказал, что пойдёт проверит, и если через час не вернётся — вызывать полицию.

Но не успело пройти и часа, как хлынул ливень. Спустя ещё тридцать минут, когда никто так и не вышел из леса, туристы запаниковали. К тому же выяснилось, что в лесу нет связи. Им потребовалось время, чтобы добраться до зоны покрытия и наконец сделать вызов.

Гроза, непролазная чаща... Любой, кто слышал это, холодел от ужаса. Парни лезли в ловушку один за другим, словно герои старой сказки, спасающие друг друга. Ситуация была бы комичной, если бы не смертельная опасность.

Поисковый отряд только прибыл к подножию горы, как вдруг из-за деревьев показалась вихрастая голова, перемазанная грязью.

Грязнолицый юноша широко улыбнулся и крикнул:

— Брат!

Это было невероятно. Шу Мин, вымокший до нитки, умудрился вытащить двоих. Он нёс на спине Бай Му, который был выше его, и вёл за собой раненого туриста. В кромешной тьме, под

проливным дождём, он вывел их из леса целыми и невредимыми.

Как выяснилось позже, турист угодил в современный капкан. Шу Мину удалось ослабить винты, так что серьёзных травм тот не получил и мог идти сам. А вот Бай Му не повезло. Он наступил на старый, зазубренный и заржавевший капкан. Рана была глубокой, и он потерял много времени.

Только благодаря Шу Мину, привыкшему к горным тропам и обладавшему базовыми знаниями первой помощи, всё закончилось благополучно. Спасатели в один голос твердили, что Бай Му родился в рубашке. Обычный человек в таком лесу в грозу просто потерял бы ориентацию, не говоря уже о том, чтобы сохранять спокойствие и тащить на себе раненого.

Шу Мин не просто спас Бай Му жизнь и ногу — он сохранил ему свободу скакать по бескрайним степям. Такую благодарность невозможно выразить словами.

Когда Шу Мин пришёл навестить пострадавшего, тот, задрав забинтованную ногу, увлечённо резался в приставку, сидя на диване. Новенький монитор и игровая консоль заставили его почти забыть о боли — он был готов просидеть дома хоть десять дней подряд.

Увидев гостя, Бай Му, забавно прыгая на одной ноге, принёс ему тарелку вымытых фруктов. Сочные ягоды взрывались во рту сладким соком. Шу Мин сначала немного поиграл с бордер-колли по кличке Люлю, а потом сосредоточенно принялся за угощение. Только спустя некоторое время он вспомнил, что пришёл вообще-то проведать больного.

Он уже собрался было спросить о самочувствии, но Бай Му с серьёзным видом положил руку ему на плечо.

— Шу Мин, я вспомнил.

Он что-то невнятно пробормотал себе под нос, а затем торжественно произнёс:

— Я вспомнил, почему ты показался мне таким знакомым! Ты ведь вылитый мой брат!

Шу Мин отпрянул в испуге:

— Слушай, за спасение жизни вовсе не обязательно признавать меня родственником...

— Да нет же, послушай!

После недолгой суматохи Бай Му удалось объясниться. Он не пытался навязаться в братья — он действительно видел поразительное сходство.

— Когда ты был в седле, твой профиль... Один в один.

Хотя Шу Мин и его брат были совершенно разными по типу — его брат, как и сам Бай Му, был крепким, загорелым парнем, — в них было нечто общее. И это вовсе не значило, что Шу Мин выглядел слабым. После того как он вытащил на себе взрослого мужчину из леса, сомневаться в его здоровье не приходилось. Просто Шу Мин был удивительно статным и... «чистым».

Эта чистота придавала его облику особую, благородную красоту. Он балансировал на той тонкой грани, где мужская харизма встречается с утончённым изяществом черт. При внимательном взгляде становилось ясно: его лицо — истинный шедевр, где каждая линия выверена до совершенства. Эти противоречивые качества гармонично уживались в нём, не делая его облик агрессивным, а наоборот — располагая к себе.

Именно поэтому Бай Му при первой встрече так сильно недооценил его силы. Но мы отвлеклись.

— Так у тебя действительно был брат?

— Был. Зачем мне врать? — Бай Му вздохнул и показал в телефоне старое фото.

Честно говоря, черты лица у них были разными. Но в обоих чувствовался один и тот же юношеский задор, та же бьющая через край жизненная энергия. Именно это мимолётное сходство и зацепило Бай Му.

— Мой брат погиб давно, на пожаре.

Уезд Шадун находится на границе степи и леса, экология здесь хрупкая: засуха часто приводит к лесным пожарам. Бай Му тогда был совсем маленьким; он помнил лишь, что брат ушёл и больше не вернулся.

— Ах, точно! — Бай Му вдруг хлопнул себя по лбу. — Я говорил? Когда Мэн Паньлань приехала к нам, мой брат был одним из первых, кто её поддержал. Съёмочная группа очень хотела включить его в сценарий, но отец отверг всех актёров, которых они предлагали. В итоге Чжэн Ивэй просто вырезал этого персонажа. Слушай... а что, если эту роль сыграешь ты?

Мечта была заманчивой. Шу Мин подумал пару секунд и серьёзно ответил:

— Вряд ли это возможно. Я мало что понимаю в кино, но знаю одно: съёмки идут полным ходом, большая часть материала уже снята. Чтобы добавить персонажа, нужно менять сценарий, графики актёров... К тому же трава в степи не будет ждать. Пока она пожелтеет, пока снова зазеленеет — это будет только в мае следующего года. А каждый съёмочный день — это огромные деньги.

Когда Шу Мин впервые узнал, сколько стоит день работы съёмочной группы, он был потрясён. Он был ещё слишком молод и не умел скрывать своих чувств — изумление буквально читалось на его лице. Этих денег его семье хватило бы на десять лет безбедной жизни. А для кино — это лишь текущие расходы на один день.

Тогда Чжэн Ивэй, сидя рядом на низком табурете, лишь усмехнулся: «Я ещё не считал тебе особые траты». А затем добавил с загадочной улыбкой: «Не смотри на эти суммы, это лишь малая ставка в большой игре».

Шу Мин принял этот факт к сведению, хотя масштаб всё ещё плохо укладывался у него в голове. Но он понимал главное: инвесторы никогда не позволят съёмочной группе простаивать ради одной эпизодической роли новичка. Он боялся, что Бай Му, попытавшись замолвить за него словечко, лишь зря потратит время.

Конечно, в глубине души Шу Мин задавался вопросом: а как бы он выглядел на экране? Но шансы были ничтожны. «Шоу 101» научило его горькой истине: в этом мире усилия не всегда вознаграждаются. В деревне всё было проще: чем больше трудишься, тем богаче урожай.

Шу Мин не мог до конца осмыслить свои чувства, лишь подавил мимолётное сожаление.

— Спасибо тебе, Бай Му.

Шу Мин подпёр подбородок рукой и мягко улыбнулся другу. Он понимал, что Бай Му хочет отблагодарить его за спасение. Но даже если бы не было никакой роли, никаких подарков — Шу Мин всё равно, не колеблясь, потащил бы его на себе сквозь грозу. Роль, которой не суждено случиться, просто не принадлежит ему, вот и всё.

Юноша уверенно выпрямился. «Впереди обязательно будут возможности и получше!» А пока нужно сосредоточиться на том, что есть — на записи заглавной песни. Шу Мин искренне любил петь.

Бай Му пару секунд пристально смотрел на него, думая: «К чему ждать каких-то призрачных возможностей?»

Как только Шу Мин ушёл, Бай Му в тот же вечер переговорил с отцом и, не теряя ни минуты, набрал номер Чжэн Ивэя.

— Режиссёр Чжэн, — начал он без обиняков, — ту роль моего брата... Хотите её снять?

<http://bllate.org/book/16119/1587112>